

КНИГИ И КИНЕМАТОГРАФ

К 85-летию со дня рождения Ильи Ильфа

Год назад Олег Ефремов писал о замечательном актере Анатолии Кторове, который в годы своей кинематографической молодости «с подчеркнутым изяществом» играл роли в фильмах Я. Протазанова «Процесс о трех миллионах» и «Праздник святого Йоргена»; «Краски» артистического таланта и индивидуальности, которыми Кторов наделил своих экранных героев, были во многом его собственными находками, определялись сутью его личности...

Этот подход актера к персонажу невольно напоминает отношение И. Ильфа и Е. Петрова к образу О. Бендера. Остап Бендер, задуманный поначалу как второстепенный персонаж, говорливый, ловкий, не очень-то разбирающийся в средствах проходимец, буквально на глазах у читателей «Двенадцати стульев» и «Золотого тельника» обретает обаяние, талантливость, живой ум — черты, присущие его создателям. Остап, скажем, называет машинку с буквой «э» вместо «е» «машинкой с турецким акцентом». Но ведь это шутка самого Ильфа, прозвучавшая до романа в его фельетоне «Пешеход». Остап, например, решает создать липовую контору «для нужд гребеночной и мундштучной промышленности», но ведь именно так чуть раньше высмеивал Ильф бюрократическое учреждение в рассказе «Случай в конторе». А иронически-грустная сентенция Остапа о примусной игле впервые прозвучала в фельетоне Ильфа «Для моего сердца», через два года повторилась в его записной книжке в дни работы над «Золотым тельником». Кстати, И. Ильф награждал любимого героя не только своим ост-

роумием, но даже и своим возрастом: из текста романа видно, что Бендеру в 1930 году было тридцать три года, то есть именно столько, сколько самому Ильфу...

Впрочем, о персонажах А. Кторова мы вспомнили не только потому, что подход актера к ним сходен с подходом И. Ильфа к своему герою. Похожи и сами герои. Блестящий «ворджентльмен» Каскарилья и увальень-воришка Тапиока («Процесс о трех миллионах»), аристократический авантюрист Коркис и добродушный мошенник Франц («Праздник святого Йоргена»), бесспорно, напоминают «великолепного» Остапа и бестолкового мелкого жулика Балаганова. Вспомните, как упивается Коркис своим всезнанием и всеумием в роли святого и исцелителя. Такое же вдохновение испытывает и «великий комбинатор». И букет с запиской, посланный Коркисом Олеандре через Франца, приходит на память, когда читаешь о букете с запиской, который Остап посылает Зосе через Шуру Балаганова. Коркис и Остап похожи, как два героя плутовских историй, рассказанных талантливыми сатириками — кинематографистом и писателями.

Ни о каких заимствованиях, конечно, не может быть и речи — и Ильф, и Петров, и Протазанов были оригинальными, самостоятельными художниками. Но, создавая сходные характеры, они наверняка испытывали чувство творческой близости. И этому мы находим немало подтверждений: в архивных папках среди рукописей И. Ильфа и Е. Петрова хранятся сочиненные ими надписи к фильму «Праздник святого Йоргена»...

Конечно же, не случайно Я. Протазанов, тонко чувствующий юмор, приглашает авторов «Двенадцати стульев» для написания титров к своей тогда еще немой картине. Работая над «Золотым тельником», писатели с интересом присматривались к кино. Передавая Коркису и Францу какие-то черточки своих героев, они естественно и непринужденно сделали историю Коркиса «святогого» эпизодом биографии Остапа. Здесь отчетливо видна связь романа Ильфа и Петрова с их первой кинематографической работой.

В последующих встречах с кинематографом писатели не раз обращались к сюжетам своих романов. Сценарий «Однажды летом» (1932) они написали по мотивам первой части «Золотого тельника». Часть эта называется «Экипаж «Антилопы» и повествует об участии Остапа и его приятелей в автопробеге. Но сценарий был написан с преобладанием лирико-комедийной интонации. Вместо сатирических персонажей романа в сценарии появились два жизнерадостных комсомольца — конструкторы кустарного автомобиля, который в конце концов возглавил автопробег. Фильм по этому сценарию начал снимать режиссер, тяготевший к фельетонным решениям, в предложенном сюжете ему не доставало конкретного сатирического материала. В фильме в двух совершенно разных ролях (комсомолец и пожилой мошенник) снимался Игорь Ильинский. Он и довел съемки картины до конца. Как правило, затянувшаяся работа над фильмом (переделки, смена режиссеров «в ходе игры») не приводит к успеху. Фильм «Однажды летом» в этом смысле не ока-

зался исключением. Тем более, что впечатление от него неизмеримо перекрывал огромный успех романа «Золотой тельник», опубликованного в 1931 году.

Кинематографическая тема на короткий миг возникала и в «Двенадцати стульях». Это своеобразный фельетон, включенный в ткань романа: вечером, когда уже завершился торжественный пуск трамвая в Старгороде, примчались кинохроникеры, «восстановили событие», сообщили, что трамвай они доснимут уже в Москве, и укатили... В «Золотом тельнике» история о том, как Остап Бендер создал для Черноморской кинофабрики сценарий «Шея», написана уже не юмористами, наблюдающими со стороны работу кинохроники, а людьми, которым знакома сложная, зависящая порой от самых неожиданных обстоятельств действительность кинофабрики.

В 1935 году И. Ильф и Е. Петров находились в командировке в США. Встретившись с известным американским кинорежиссером Л. Майлстоуном, они написали для него либретто на видоизмененную тему из «Двенадцати стульев». В сценарий и фильм либретто так и не превратилось, возможно, потому, что его сюжет имел сходство с фильмом Р. Клера «Привидение едет на Запад», который в это время уже снимался. Вернее, сюжет либретто Ильфа и Петрова и сюжет фильма Клера были навеяны одним и тем же реальным, широко известным тогда событием: миллионер Херст купил в Англии замок, который был разобран по камням и затем в Америке снова собран. Работая над либретто, авторы собирались совершить поезд-

ку на Кубу. Путешествие это так и не состоялось («Хотя онс и заманчиво, — писал Е. Петров, — но тоска по дому перевесила»). И вряд ли писатели могли предполагать, что через тридцать лет по улицам новой, революционной Гаваны зашагают в поисках «бриллиантового» стула перешедшие на киноэкран герои романа. Правда, на этот раз они стали коренными кубинцами и звали их Оскар и Ипполито, и сюжет претерпел некоторые изменения, но события, рассказанные в «Двенадцати стульях», оказались чрезвычайно близкими и понятными Кубе первых лет революции.

Позже появились еще три экранизации романа. Роли Бендера в них исполняли А. Гюмашвили, А. Миронов, С. Юрский. Каждая из этих лент — попытка в той или иной степени приблизиться к точке зрения И. Ильфа и Е. Петрова. Трудно сказать, какой из Остапов показался бы авторам романов наиболее похожим на их создание. Тем более, что однажды журнал «Советский экран», приоткрывая «профессиональные тайны», опубликовал фотографии чуть ли не двадцати Остапов — пробы прекрасных и разных советских актеров на эту кинороль.

Но был один кинематографический Остап Бендер, которого видели на экране И. Ильф и Е. Петров. В 1938 году в Польше был поставлен фильм «12 стульев», где роль Остапа сыграл популярный комик польского кино Адольф Дымша. В этом фильме талантливому актеру достался долгожданный поистине художественный материал, и не случайно его интерпретация образа Остапа Бендера настолько заинтересовала авторов романа, что они специально пошли посмотреть выступление талантливого актера, импровизатора, певца и мима на эстраде...

Георгий ОСТРОВСКИЙ.